

УДК 231.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-357-367

Рационально-философская аргументация Леонтия Византийского и его влияние на развитие поздней Византийской христологии

Стрелкова И.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: strelkova_i@bsu.edu.ru

Аннотация. Истоки сегодняшней жизни христианской Церкви заключены в ее древней истории, что обуславливает важность изучения деятельности ее особых представителей, таких как Леонтий Византийский. И хотя современные ученые уделяют внимание изучению догматики этого богослова, его влияние на развитие поздней Византийской христологии остается не изученным. В связи с этим автором рассмотрено богословское учение христолога Леонтия Византийского, которое затрагивало вопросы о воплощении Иисуса Христа, об образе соединения во Христе Божественной и человеческой природы, с целью изложения христологии в контексте тех дискуссий, которые велись в V–VII вв. В работе показано, что Леонтий Византийский стал одним из первых богословов-полемистов, кто смог разъяснить истинный смысл Халкидонского определения. В результате исследования было выявлено, что труды Леонтия Византийского в значительной степени содействовали прояснению и утверждению православной христологии и играли видную роль в церковно-полемической деятельности. Они оказали огромное влияние на христологию епископа Анастасия Антиохийского, преподобного Максима Исповедника, преподобного Анастасия Синаита и преподобного Иоанна Дамаскина.

Ключевые слова: богословие, христология, Леонтий Византийский, церковно-полемическая деятельность

Для цитирования: Стрелкова И.А. 2022. Рационально-философская аргументация Леонтия Византийского и его влияние на развитие поздней Византийской христологии. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 47(2): 357–367. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-357-367

Rational-philosophical Argumentation of Leonty of Byzantium and his Influence on the Development of Late Byzantine Christology

Irina A. Strelkova

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: avvakumova_alina@mail.ru

Abstract. The origins of today's life of the Christian Church are contained in its ancient history, which determines the importance of studying the activities of its special representatives, such as Leontius of Byzantium. And although modern scholars pay attention to the study of the dogma of this theologian, his influence on the development of late Byzantine Christology remains unexplored. In this regard, the author considers the theological teaching of the Christologist Leonty of Byzantium, which raised questions about the incarnation of Jesus Christ, about the image of the union in Christ of the Divine and human nature, in order to present Christology in the context of those discussions that took place in the 5th-6th centuries. The paper shows that Leonty of Byzantium became one of the first polemical theologians who was able to explain the true meaning of the Chalcedonian definition. As a result of the study, it was revealed that the works of Leonty of Byzantium to a large extent contributed to the clarification and approval of Orthodox

Christology and played a prominent role in church polemical activities. They had a great influence on the Christology of Bishop Anastasius of Antioch, St. Maximus the Confessor, St. Anastasius of Sinai, and St. John of Damascus.

Keywords: theology, christology, Leontius of Byzantium, ecclesiastical and polemical activity

For citation: Strelkova I.A. 2022. Rational-philosophical Argumentation of Leonty of Byzantium and his Influence on the Development of Late Byzantine Christology. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 357–367 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-357-367

Введение

Христология или учение о Лице Иисуса Христа, занимающее среди других истин христианского богословия самое важное и центральное место, V–VII вв. составляло предмет особенного внимания со стороны христианских богословов и церковных писателей, поэтому развитие христологии происходило довольно быстро. Учение Леонтия Византийского формировалось в контексте защиты Халкидонского Собора от критики со стороны монофизитов и несториан. По поводу содержания и истинного смысла вероопределения на территории восточной Церкви возникали сильные споры и волнения, благодаря чему богословские силы Церкви VI в. вынуждены были снова пересмотреть и обсудить вопрос о надлежащем понимании Халкидонского определения. Среди этих сил одной из выдающихся явился богослов-полемист Леонтий Византийский.

Сегодня существует мало источников, в достаточной мере освящающих христологию Леонтия Византийского. Проблемой является то, что произведения автора практически не переводились. В данной статье использовались исследования Соколова В. [2000], который достаточно подробно анализирует проблемы византийской христологии; протоиерея Иоанна Мейендорфа [2000], который рассматривает вопросы христологии достаточно широко и охватывает V–XV вв.; С.Л. Епифановича [2000] и Г. Флоровского [2001], которые обзорно рассматривают вклад Леонтия Византийского в христианское богословие.

Целью данного исследования является определение, в чем заключается рационально-философская аргументация Леонтия Византийского в христианском богословии и каково его влияние на развитие поздней Византийской христологии в лице известных представителей: епископа Анастасия Антиохийского, преподобного Максима Исповедника и преподобного Анастасия Синаита.

Объектом исследования является христианское богословие. Предмет исследования – христология V–VII вв. На различных этапах работы использовались элементы исторического, логического методов исследования, методы сравнения и анализа.

Отражение богословских воззрений Леонтия Византийского в трудах отцов Церкви

Известно, что центральной идеей христианского вероучения является признание того, что Иисус Христос пришел на землю в человеческой плоти (1Ин 4:2). Именно этот догмат в той или иной мере защищали все богословы. Одним из таких защитников можно назвать Леонтия Византийского, «внесшего своими трудами богатый вклад в богословскую науку, а также влившего животворную струю в религиозную жизнь Греко-Восточной Церкви» [Фокин, 2006, с. 150]. По мнению исследователя А.А. Спасского «Св. Церковь, верная хранительница апостольских преданий, никогда не возбраняла стремлений своих чад к христианскому знанию вообще и, в частности, к разумному постижению и усвоению самых глубоких и таинственных догматов веры. Напротив, в лице своих духовных пастырей и лучших представителей из мирян она указывала всегда на необходимость их посильного изучения и раскрытия». [Спасский, 1995, с. 128].

Значение деятельности любого богослова нельзя измерять только в тесных границах известного момента ее проявления среди того или иного народа, важно понимать это значение в контексте всего процесса ее культурного влияния на людей [Соколов, 2005]. Рассмотрим живые следы такого влияния у поздних византийских богословов. Они наблюдаются уже у Анастасия, епископа Антиохийского (Феополитанского), занимавшимся богословской наукой и полемикой с еретиками. Так как он дважды занимал епископскую кафедру в Антиохии: с 559 по 570 гг. и с 594 по 599 или 600 гг., то имел полную возможность знать и читать все труды Леонтия Византийского. Плодом его занятий были многочисленные сочинения.

Так, доказывая различие Лиц во Св. Троице, еп. Анастасий останавливается на словах св. Иоанна Богослова «В начале было Слово» (Ин.1,1), и путем синтаксического и логического разбора этих слов выводит из этого необходимость признания вечности Отца и Совечного Ему Сына. Также поступает он и в доказательстве особенности и вечности Лица Св. Духа, обосновывая эту истину на словах Спасителя: «Дух, иже от Отца исходит» (Ин.15, 26). Различие одного Лица от другого в Св. Троице он обосновывает тем, что каждое Лицо имеет свои личные характеристические свойства (*proprietas characteristicae personarum*) при единстве субстанции или природы. Природу от ипостаси нужно строго различать в учении о Св. Троице: «...Ипостась не есть природа, так же как и природа – не ипостась», ибо природа единообразна и неделима и потому не правильно искать части в неделимом. Определение этих понятий находится в творениях еп. Анастасия и излагается вполне согласно с доктриной Леонтия Византийского. Такая же солидарность с Леонтием Византийским наблюдается у него и в учении о воплощении Иисуса Христа. Воплотившийся Иисус Христос есть Бог и человек, заимствовавший тело от Матери и ставший Ей единосущным (по человечеству), хотя не перестал быть рождающимся от Отца и обладать Божественной природой без всякого изменения. Христос состоит из двух природ и имеет одну ипостась. «Всеми богословами и учителями Церкви признается, что у различных природ (во Христе) одна ипостась и что единение природ совершилось по ипостаси Христа, Который не только состоит из Бога и человека, но один и тот Бог и человек с неповрежденными в единении природами, которые образовали через соединение сложную ипостась (*compositum hypostasim Christi*), называемую Христом» [Соколов, 2005, с. 82].

Учение о сложной ипостаси во Христе встречается и у Леонтия Византийского, и именно в той интерпретации, какая здесь дается еп. Анастасием и какая встречается и у дальнейших литературных эпигонов Леонтия. Подобно Леонтию, еп. Анастасий входит в рациональное объяснение самого ипостасного соединения природ во Христе. Учителя Церкви называют сущностью – общее, а ипостасью – частное или специальное, как, например, человек есть общее, а какой-либо человек есть частное, ипостась, ибо какой-либо человек не есть человек (вообще), но кто-то в сущности. Отсюда Сын (во Христе) не есть сущность, но ипостась, имеющая одну и ту же Божественную природу, полную и всесовершенную, как и другие Лица Св. Троицы. Усыновление есть естественное свойство в отношении к Тому, от Которого (именно от Отца) Он – Сын. Как Сын Божий, Христос одной и той же Божественной природы с Отцом, но Он есть и Сын человеческий, потому что соединил в Своей ипостаси и истинную природу человеческую. Характерный для христологии Леонтия Византийского термин, объясняющий образ существования человеческой природы во Христе, еп. Анастасий употребляет только один раз, однако, факт восприятия им идей и терминов от Леонтия не подлежит никакому сомнению.

Общие аспекты христологии у Леонтия Византийского и епископа Анастасия Антиохийского

Рассмотрим тождественность взглядов епископа Анастасия и Леонтия Византийского по вопросу о страдании и бесстрастии Христа. В трактате с таким заглавием еп. Анаста-

сий развивает мысли, что «Бог совершенно не способен к смерти. Но Он воспринял природу единую и во всем подобную нашей, которая способна к страданиям и смерти... Он сделал плоть Своей собственной и соединился с ней, как душа с телом. И поэтому все, что в ней Он совершил, считает за собственное Свое... Отсюда и божеское, и человеческое считается в Нем за общее, только при мысленном разделении того, что относится к той или другой природе. Божество чуждо страданий и никакое страдание не может касаться бесстрастного... И тем не менее страдание Христа было Его собственным, страданием по воспринятой природе, соединенной по ипостаси нераздельным соединением» [Мейендорф, 2000, с. 86]. «Отсюда кровь, которая текла из тела Его, считается кровью бесплотного и чуждого крови Слова, поскольку Один есть Христос, соединенный из обеих (природ), вместе Бог и человек. Отсюда и все то, что Спаситель приобрел Своей спасительной смертью и последовавшим за ней воскресением, сделалось достоянием людей, имеющих с Ним единую человеческую природу. Во Христе люди освобождены от смерти, тления и рабства и одарены бессмертием, нетлением и свободой» [Contra Nestor, 1970]. Все эти мысли мы встречаем у Леонтия Византийского в его 2-й книге *Contra Nestor et Eutych*.

Есть ли у еп. Анастасия какой-либо прогресс в догматическом развитии по сравнению с Леонтием Византийским или он только закрепляет и упрочивает его тезисы и термины? Наблюдается нечто и новое – это обсуждение вопроса об энергиях Божества, который исторически предшествовал спору о волях во Христе в сочинении *De incircumscripto* (О неограниченном) [*De incircumscripto*, р. 38]. «Во всем, говорят, действует Бог энергией, а не сущностью Своей». Это утверждение автор и считает своим долгом разобрать и опровергнуть. Его положение таково: «Энергия неотделима от природы или субстанции; там, где Бог действует Своей силой или энергией, там находится непременно и сущность, или природа Его. Так сущность Божия проста и неизменна, как просты и неизменяемы все силы и действия ее. Никакое действие Божие не может произойти без действующего Бога. А так как Бог вездесущ, то во всех проявлениях своей энергией Он и присутствует везде Своей сущностью или природой». Прилагая эту теорию к Иисусу Христу, чего, впрочем, не делает сам Анастасий, мы должны будем признать в Нем две совершенных энергии с соответственными им действиями – Божескими и человеческими или в ипостасном соединении – Богочеловеческими [Соколов, 2005]. «Вообще же относительно близости Анастасия Антиохийского к Леонтию Византийскому нужно сказать, что эта близость не может особенно ярко бить в глаза потому, что мы под руками имеем очень мало сочинений Анастасия, и притом таких, которые посвящены прямому изложению догматических истин и очень мало касаются полемики, которая так существенна и характерна для сочинений Леонтия» [Соколов, 2005, с. 78].

Влияние Леонтия Византийского на христологию преподобного Максима Исповедника

Преподобный Максим Исповедник и Философ, монах Константинопольский (первая половина VII в.) не только усвоил себе в совершенстве христологические взгляды Леонтия Византийского, но и расширил их в применении к назревшим потребностям своего времени. Самыми современными и злободневными для него догматическими вопросами были вопросы об энергиях и действиях, о волях и желаниях во Христе [Болотов, 2007]. Леонтий Византийский затрагивает эти вопросы только отчасти и высказывает лишь несколько случайных замечаний по ним. Таково, например, место из сочинения *Contra Nestor et Eutych*: «Желать и не желать не есть свойство плоти, но разумной души, в которой усматривается свобода воли и главная причина желания по той и другой (душе и телу). Затем считают ее (душу) ответственной и за то, что она желает против природы. Ибо для чего она не рождена. Отсюда происхождение греха. Без внимания нельзя оставлять и того, что если усматриваются три причины, из которых происходит всякая деятельность: первая – из есте-

ственной силы, вторая – из отступления от природы, третья – из возвышения над природой, то и называется первая – естественной, вторая – противоприродной, третья – сверхприродной. Противоприродная по самому названию есть некоторое отклонение от естественных способностей и сил, вредит самой сущности и ее естественным энергиям. Естественная же состоит из причины беспрепятственной и соответствующей природе. Сверхприродная возводит, возвышает и усиливает к совершеннейшему (состоянию), которое не может быть достигнуто только естественными действиями» [Соколов, 2005, с. 80].

Здесь Леонтий Византийский хочет показать, что во Христе как истинном Богочеловеке действовали нормально естественные силы и сверхъестественные божественные, соответственно чему развивалась стройно его божественная и человеческая жизнь и деятельность. Средняя же, составляющая отклонение от нормы, греховная деятельность была несвойственна Христу, так как Его человеческой душе и телу были совершенно чужды такие силы и стремления. В сочинении *Contra Monophys* богослов, углубляясь в изъяснение тайны внутренней жизни воплощенного Христа, говорит, что «каждая природа придает Христу свою жизнь: одна естественную жизнь человеку, другая естественную жизнь Богу, так что и получается единое богомужно живущее Лице. Ядущий и пьющий, возрастающий и укрепляющийся подобно нам, единый Христос Бог нам был в то же время всемогущим и всесовершенным по Своему Божеству» [*Contra Monophysitas*, 1901]. Таким образом, в приведенных словах у Леонтия Византийского предreshается вопрос об энергиях и волях во Христе в том именно направлении, что каждая природа имеет свою волю и деятельность, но не в отчуждении и обособлении, а в совершенном единении, при котором центром жизни и деятельности является Богочеловеческое Лице Иисуса Христа.

Преподобный Максим придерживается такой же точки зрения в рассуждении об энергиях и волях во Христе, как и Леонтий Византийский, только ставит и аргументирует этот вопрос с большей определенностью и обстоятельностью. Он живет в самый разгар монофелитских движений и в качестве передового борца и апологета православной истины вынужден снабдить христианскую догматику рационально-философской аргументацией. Исходным пунктом в решении этого вопроса преп. Максим ставит то положение, что энергия или деятельность есть свойство природы, а не ипостаси [Поспелов, 2004]. Если же признать за начало и источник энергии ипостась, тогда в Св. Троице нарушится принцип единства и самая Св. Троица в Едином Божестве уничтожится.

Особенно подробно это положение он разбирает в своем диспуте с Пирром.

Преп. «Максим: «Христос есть един, един – по ипостаси или по природе?» Пирр: «По ипостаси, ибо по природе Он двойственен». Максим: «Итак, двойко ли Он и действует по причине двойственности природы, или одинаково ради единства ипостаси? Но если двойко, то числом этих действий не вводится ли число лиц? Если одинаково, то по одинаковому единству Лица получатся такие же самые нелепые заключения и относительно этого. Ибо если энергия ипостасная, то во множестве ипостасей усматривается вместе и различие энергий». Пирр: «Не совсем так. Если Он двойко действует, тогда будет у Него две энергии, если же действующий один, тогда одна и энергия». Преп. Максим: «Но называя одну энергию, какую такую желаете вы считать ее? Божественною, человеческою или ни той ни другой? Но если Божественной, тогда вы считаете Христа – одним Богом, человеческой – тогда считаете одним чистым человеком, если ни той, ни другой, тогда признаете Христа не существующим» [Епифанович, 2000, с. 45].

Получается, что во Христе есть две деятельности по различию двух природ в Нем, но объединяемые одним ипостасным сознанием и управлением.

Таким же образом преп. Максим Исповедник рассуждает о волях во Христе. Воля, как и энергия, есть свойство природы. Как естественная такая воля детерминистична, она характеризуется в своих проявлениях признаком роковой необходимости. Но в природе человека, как в природе разумной и сознательной, эта необходимость сама собой устраняется возможностью для человека сознательного выбора. Поэтому человеческая воля в

специфическом смысле может называться свободной волей. Как человеческая, эта воля есть всегда немощная, несовершенная, но это не значит, что она неизбежно должна быть греховной. Иисус Христос воспринял в ипостасное единство вместе с человеческой природой и человеческую волю, воспринял ее без греха. Будучи безгрешной, эта воля свободно подчинялась воле Божественной и не могла испытывать свойственной греховной воле людей нерешительности, изменчивости, уклонения в грех и зло. Никакое оппозиционное, враждебное отношение желаний и волей во Христе было невозможно, так как оно основано было на неслитном и нераздельном, ипостасном единстве Его природ. Такая воля может называться богомужной волей. Христос обладает естественной человеческой волей, при этом гномической воли у Христа нет. Все человеческие свойства Христа следуют Его божественным свойствам. Поэтому Он смог сказать: «Не моя воля, но Твоя» (Лк. 22:42). Таким образом во Христе осуществляется ипостасное единство и взаимообмен природами. Протоиерей И. Мейендорф отмечает, что Бог «в каком-то смысле умирает вместе с воспринятой Им человеческой природой. В Гефсимании Бог переживает человеческий страх, горе и метание, однако мы не знаем психологии Бога, нам неведомо, что Он ощущал в действительности, в своем человеческом естестве» [Мейендорф, 2000, с. 132].

По сравнению с Леонтием это учение об энергиях и волях в догматике преп. Максима составляет, безусловно, значительный прогресс, является крупным шагом к достижению вершин византийской христологии. Во всем остальном богословском учении мы не найдем ничего нового у преп. Максима Исповедника. Как с внешне-формальной стороны, так и с внутренне-идейной он является одним из последовательнейших эпигонов Леонтия Византийского. Свою богословскую доктрину он предлагает в отрывочной форме, чем задает немалые труды для исследователя по приведению его воззрений в определенную систему. Вся терминология и аргументация преп. Максима не только представляет собой воспроизведение, но и во многих случаях точное повторение таковых же Леонтия Византийского. У преп. Максима имеются особые трактаты по истолкованию философских терминов в применении к христологии. В частности, термин *enipostatos* он утилизировал для изъяснения соединения двух энергий и волей во Христе. *Enipostatos* обозначает *eniparkton*; *eniparkton* же участвует в существенном и естественном бытии. Отсюда действующее или деятельное означает собственно имеющее в себе силу. *Endinamon* же есть обладающее существенной и естественной силой. Итак, то, что признание природ во Христе не безипостасными или бездейственными не обозначает ограничения ипостасей, но означает православное признание их существенными и естественными явлениями и энергиями, действующего по нераздельному единению воплощенного Бога Слова, это мы считаем и утверждаем как истину.

Аргументация преп. Максима подобно аргументации Леонтия Византийского по своему содержанию весьма разнообразна и разностороння. Она даже богаче и шире аргументации Леонтия. В ней намечаются два главных составных элемента: философский (аристотеле-платоновский, или неоплатонический) и богословский (библейско-патристический), как замечаются и два основных направления: то реалистическое, то мистическое. В общем же богословская система преп. Максима представляет собой несомненный опыт синтетического или синкретического богословствования, в котором гармонически сочетались и плодотворно объединились на пользу богословской науке все философские влияния и богословские течения. Г. Флоровский замечает, что «в конечном результате своей богословско-литературной деятельности преп. Максим не представляет собой чего-либо оригинального и потому, конечно, не должен быть переоцениваем. Он шел теми самыми путями, которые уже проложил в византийском богословии Леонтий Византийский, он использовал тот материал, который был ранее добыт и собран трудами того же Леонтия и Псевдо-Ареопагита, он оперировал теми же методами и приемами, какие введены были в употребление указанными авторами» [Флоровский, 2001, с. 140]. Преп. Максим не цитирует сочинений Леонтия Византийского и создается впечатление, что не

знает их. Но исследователи трудов Максима Исповедника говорят, что его цитаты – большей частью глухие, то есть он ссылается на учение святых отцов и учителей Церкви, не называя их по именам. В числе их он мог всегда подразумевать и Леонтия Византийского. «В Максиме Исповеднике христология нашла более совершенного выразителя идеи Богочеловечества. Вопрос об истинности Божества Христа был сполна исчерпан в христологии предшествовавшего времени, и он вовсе не входил в программу полемики православных с монофелитами; эти последние, как и их предтечи монофизиты, не менее православных были убеждены в том, что Христос есть истинный и во всем совершенный Бог Слово» [Соколов, 2000, с. 90].

Значение св. Максима в истории христианской богословской литературы весьма высоко. Соединяя в себе с высокими природными дарованиями философскую образованность, богословскую начитанность и отменное искусство диалектики, он обладал всеми средствами к тому, чтобы среди отцов и учителей Церкви занять не последнее место. Не случайно христианская древность почтила его имя эпитетами – «философ, богослов и исповедник».

Значение преподобного Анастасия Синаита в развитии христологии в связи с влиянием Леонтия Византийского

При наблюдении за дальнейшим развитием византийской христологии во второй половине VII в. особого внимания заслуживает имя преподобного Анастасия Синаита. «На данный момент есть лишь единственная работа, посвященная систематическому исследованию богословия преп. Анастасия Синаита – труд чешского патролога Spačil’ на итальянском языке» [Spačil, 1923]. Значение этого имени в истории христологических движений вырисовывается с двух сторон: как писателя-полемиста против многочисленных еретиков и как составителя известного патристического сборника *Patrum doktrina de Werdi inkarnatione* [Diekamp, 1907]. В самой литературной деятельности Анастасия есть много сходств с деятельностью Леонтия Византийского. «Сочинения первого, как и второго, были вызваны на свет главным образом ревностью по истине христианской веры, желанием убедить еретиков и сектантов в их неправде и возвратить в лоно Христовой Церкви» [Соколов, 2000, с. 90]. Для этой цели Леонтий Византийский появлялся на многочисленных диспутах с отделившимися от Церкви, еп. Анастасий же предпринимал целые путешествия по отдаленным местам и вступал в прения с укрывавшимися там инакомыслящими.

Очевидна литературная зависимость преп. Анастасия от Леонтия Византийского. Достаточно прочитать некоторые отрывки из его капитального сочинения «Путеводитель» [Sinaitae, 1981], чтобы убедиться в этом. И в преобладающем рационально-философском методе полемики, и в манере подкреплять конечные выводы ссылками на Священное Писание и на отеческие авторитеты, и в нередком употреблении терминов ипостаси, природы, воипостасности, и др. – во всем этом сказывается несомненно Леонтий Византийский, равно как в других терминах, касающихся вопроса об энергиях и волях во Христе и др. заметно влияние преп. Максима Исповедника.

Относительного патристического сборника *Antiquorum partum doctrina* нужно сказать, что его значение в истории христологических движений основывается не столько на том, что в нем сохранилось много цитат из утраченных сочинений древних писателей, и не на том, что в нем эти цитаты систематизированы в применении к одному вопросу о воплощении Слова, сколько на том, что вообще этот сборник фактом своего появления и распространения на востоке зафиксировал сознание достигнутого предела в участии философии и разума в решении христологической проблемы и сознание необходимости занять твердое, устойчивое положение через последование признанным соборным и отеческим авторитетам [Пашин, 2009, с. 4]. Этим сборником византийская богословская наука до некоторой степени реабилитировала себя от тех обвинений в разрыве с древнеотече-

скими традициями, какие могли предъявляться к ней ввиду очевидного увлечения рациональным исследованием христологического догмата в послехалкидонский период. Сборник говорит, что и в этом рационализировании догматов веры восточное богословие развивалось в неизменной согласии с преданиями католической Церкви, выраженными в постановлениях св. соборов и святых отцов и учителей Церкви. Это значение сборника в свою очередь является наглядным показателем того неустанного движения к достижению вершин христологии, какое всегда считала своей задачей восточная Церковь [Синаит, 2003, с. 215]. Отсюда ясно и то, что преп. Анастасий Синаит, помимо его самостоятельных богословских работ, одним этим составлением сборника обеспечил себе почетное место среди представителей византийского богословия. Эта доктрина имеет тем большую ценность, что в нем приводятся цитаты из трех сочинений Леонтия Византийского – *Contra Nestor, et Eutyech; Adversus argum. Severi* и *De Sectis*, одно сочинение – *Capita triginta contra Severum* – помещается там целиком.

Патристические сборники составлялись авторами с высоким научно-богословским авторитетом и имели в виду самое точное и яркое выражение православной истины в противовес сочинениям еретиков. Сочинения Леонтия Византийского были ценным вкладом в богословскую науку, они в значительной степени содействовали прояснению и утверждению православной христологии и играли видную роль в церковно-полемической деятельности.

Исследуя труды преп. Анастасия, Г. Флоровский отмечает, что у него «дух системы исчезает, связь слабеет, и внимание теряется в лабиринте апорий» [Флоровский, 2001, с. 143]. Следует отметить, что отцы Церкви, в том числе Иоанн Дамаскин, не строили определенную систему. «Можно признать, что по глубине постановки и решения богословских проблем, а также по широте охвата их преп. Анастасия Синаита нельзя сравнить с его современником преп. Максимом Исповедником. Более основательное знание наследия преподобного позволит нам точнее определить его место в истории святоотеческого богословия. Но уже сейчас можно говорить о его несомненном значении в раскрытии православного учения о Лице Господа Иисуса Христа» [Сидоров, 1998, с. 5]. Русский патролог В. Соколов, отмечает: «Смысл трудов Анастасия мы поставляем в том, во-первых, что он лишней раз в них с особенной отчетливостью и настойчивостью закрепляет ту терминологию и аргументацию, которая получила себе начало в Халкидонском вероопределении и развитие – в трудах последующих отцов-писателей, во-вторых, в том, что он констатирует факт излишнего увлечения еретиков и сектантов рационально-философскою аргументацией и сознания необходимости возвратиться к библейским и патристическим началам» [Соколов, 2005, с. 87].

В целях защиты христианских догматов представители восточной Церкви, применяя рациональный подход, достаточно глубоко исследовали догмат о Лице Иисуса Христа. «В христологии вместе с аристотелевской терминологией начали приобретать силу и те начала, которые положены в основу аристотелевской логики и которая характеризуется отрицательным отношением ко всяким тайнам и требованием разумного освещения всего до *pes plus ultra*. Анастасий не раз в своих сочинениях касается этого больного места в направлении богословской науки и напоминает о тех средствах, какими оно могло бы быть исцелено» [Соколов, 2000, с. 90]. Поэтому «усилившемуся аристотелевскому и вообще рационально-философскому влиянию и значению в решении догматических вопросов Анастасий противопоставляет «благочестивые предания св. Отцев», на которые он постоянно и ссылается как на последнее слово истины. Христологическое развитие возвращается таким образом к своим источным началам и несомненно выигрывает в смысле очищения от посторонних наслоений и дальнейшего приближения к вершинам православной христологии» [Соколов, 2000, с. 91]. Можно отметить, что преп. Анастасий использует логические инструменты в решении богословских вопросов, здесь он сходен с преп. Максимом Исповедником и с преп. Иоанном Дамаскиным.

Заклучение

Леонтий Византийский оказал огромное и во многом определяющее влияние на христианское богословие, сравнимое по своему значению с влиянием Оригена. Он во многом расширил, обогатил и развил православную терминологию. Леонтий Византийский ввел термин «воипостасный», с помощью которого аргументированно различались два термина: «сущность» и «ипостась». Труды этого богослова-полемиста входили в состав христологических сборников, являлись ценным вкладом в богословскую науку, в значительной степени содействовали прояснению и утверждению православной христологии и играли видную роль в церковно-полемической деятельности. Также важно отметить безусловное влияние рационально-философской аргументации Леонтия Византийского в вопросах христологии на видных представителей богословской мысли. Он оказал влияние на богословие епископа Анастасия, который входит в рациональное объяснение самого ипостасного соединения природ во Христе. Преподобный Максим Исповедник не только усвоил себе в совершенстве христологические взгляды Леонтия Византийского, но и расширил их в применении к назревшим потребностям своего времени. Преподобный Анастасий Синаит также имеет много сходств с деятельностью Леонтия Византийского, в частности, в преобладающем рационально-философском методе полемики и др.

Богословие таких отцов, как Анастасий Синаит, Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин было бы неполным без Леонтия Византийского. В пер. пол VI в. он являлся единственным крупным богословом, ученым, защищавшим Церковь от большого количества эрудированных противников.

В итоге отметим, что вопросы, которые рассматривал Леонтий Византийский актуальны для богословской науки и сегодня. До сих пор христиане, принадлежащие к православной конфессии, ведут дискуссий с представителями дохалкидонских церквей по вопросам христологии с целью разрешить противоречия, возникших после 451 г.

Список литературы

- Беневич Г.И. 2009. Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. Т. 1, 2. М., СПб., «Никея»-РХГА, 1424 с.
- Болотов В.В. 2007. История Церкви в период Вселенских Соборов: История богословской мысли. Киев, Общество любителей православной литературы, Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 622 с.
- Диспут с Пирром: прп. Максим Исповедник и христологические споры VII столетия 2004. Отв. ред. Д.А. Поспелов. М., Храм Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках, 528 с.
- Епифанович С.Л. 2003. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., Мартис, 224 с.
- Иеромонах Адриан (Пашин). 2009. Путеводитель преподобного Анастасия Синаита как опыт раскрытия христологического учения Церкви. Автореф. ... дис. канд. богословия. Сергиев Посад, 39 с.
- Преп. Анастасий Синаит. 2003. Избранные творения. М., Паломникъ, Сиб. благовозвница, 477 с.
- Мейендорф И. 2000. Иисус Христос в восточном православном богословии. М., ПСТБИ, 318 с.
- Сидоров А.И. 2003. Преподобный Анастасий Синаит. Избранные творения. М., Паломник; Сибирская благовозвница, 479 с.
- Соколов В. 2005. Завершение Византийской христологии после Леонтия Византийского, Православие и монофизитство. М, Панагия, 453 с.
- Спаский А.А. 1995. История догматических движений. М., Сергиев Посад. 650 с.
- Флоровский Г. 2006. Восточные отцы IV века. Минск, Белорусский Экзархат, 304 с.
- Фокин. А.Р. 2006. Леонтий Византийский: сборник исследований. Отд. по делам молодежи Русской Православной Церкви, Крутицкое Патриаршее Подворье, Центр библейско-патрологических исследований. М., Империиум пресс, Центр библейско-патрологических исследований, 671 с.

- Diekamp F. 1907. *Antiquorum patrum doctrina de Verbi incarnatione*. Munster.
Contra Nestor, et Eutyech. II, PG. 86, I, 1332A-B,1341 C,1348A
Contra Monophysitas. 1901. PG. 86b.
Crat. de incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
De incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
Spačil. 1923. *La teologia di santo Anastasio il Sinaita*, Roma.
Sinaitae A. 1981. *Viae dux. Cuius edionem curavit Karl-Heinz Uthemann*. Turnhout, Leuven, CCL, 464 p.

References

- Benevich G.I. 2009. *Antologija vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. Ortodoksija i geterodoksija*. [Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and heterodoxy]. Vol. 1, 2. M., SPb., Publ. Nikeja-RHGA, 1424 p.
- Bolotov V.V. 2007. *Istorija Cerkvi v period Vselenskih Soborov: Istorija bogoslovskoj mysli*. [History of the Church during the period of the Ecumenical Councils: History of theological thought. Kiev, Obshhestvo ljubitelej pravoslavnoj literatury, Publ. Izd-vo im. svt. L'va, papy Rimskogo, 622 p.
- Disput s Pirrom: prp. Maksim Ispovednik i hristologicheskie spory VII stoletija. 2004. Otv. red. D.A. Pospelov. [Debate with Pyrrhus: St. Maximus the Confessor and the Christological controversies of the 7th century]. M., Hram Sofii Premudrosti Bozhiej v Srednih Sadovnikah, 528 p.
- Epifanovich S.L. 2003. *Prepodobnyj Maksim Ispovednik i vizantijskoe bogoslovie*. S.L. Epifanovich; scient. edit.: Ed. V.P. Lega. [Saint Maximus the Confessor and Byzantine theology]. M., Publ. Martis, 224 p.
- Ieromonah Adrian (Pashin). 2009. *Putevoditel' prepodobnogo Anastasija Sinaita kak opyt raskrytija hristologicheskogo uchenija Cerkvi: Avtoref. dis. kand. bogoslovija*. [Guidebook of St. Anastasius of Sinai as an experience of revealing the Christological teaching of the Church: Abstract of a thesis for the degree of Candidate of Theology.]. Sergiev Pasad, 39 p.
- Prep. Anastasij Sinait. 2003. *Izbrannye tvorenija*. [Selected Works. St. Anastasius of Sinai]. M., Publ. Palomnik, Sib. blagozvonnica, 477 p.
- Mejendorf I. 2000. *Iisus Hristos v vostochnom pravoslavnom bogoslovii*. Per. s angl: O. Davydenkova, svjashh., L.A. Uspenskoj. [Jesus Christ in Eastern Orthodox theology]. M., PSTBI, 318 p.
- Sidorov A.I. 2003. *Prepodobnyj Anastasij Sinait. Izbrannye tvorenija*. [Venerable Anastasius of Sinai. Selected creations]. M., Publ. Palomnik, Sibirskaja blagozvonnica, 479 p.
- Sokolov V. ier. 2005. *Zavershenie Vizantijskoj hristologii posle Leontija Vizantijskogo : Pravoslavie i monofizitstvo*. [Completion of Byzantine Christology after Leontius of Byzantium: Orthodoxy and Monophysitism]. M., Publ. Panagija, 453 p.
- Spasskij A.A. 1995. *Istorija dogmaticeskikh dvizhenij: Sergiev Posad*. [History of dogmatic movements]. M., 650 p.
- Florovskij G., prot. 2006. *Vostochnye otcy IV veka. Po blagosloveniju Vysokopreosvjashhennejshego Mitropolita Minskogo i Sluckogo Patriarshego Jekzarha vseja Belarusi Filareta*. [Eastern Fathers of the 4th century / Florovsky G., archpriest; with the blessing of His Eminence Metropolitan of Minsk and Slutsk, Patriarchal Exarch of All Belarus Filaret] – Minsk : Belorusskij Jekzarhat, 304 p.
- Fokin A.R. 2006. *Leontij Vizantijskij : sbornik issledovanij. Otd. po delam molodezhi Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, Krutickoe Patriarshee Podvor'e, Centr biblejsko-patologicheskikh issledovani*. [Leonty of Byzantium: collection of studies. Otd. for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church, Krutitsy Patriarchal Compound, Center for Biblical Patrological Research]. M., Imperium press, Centr biblejsko-patologicheskikh issledovanij, 671 p.
- Diekamp F. 1907. *Antiquorum patrum doctrina de Verbi incarnatione*. Munster.
Contra Nestor, et Eutyech. II, PG. 86, I, 1332A-B,1341 C,1348A
Contra Monophysitas. 1901. PG. 86b.
Crat. de incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
De incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
Spačil. 1923. *La teologia di santo Anastasio il Sinaita*, Roma.
Sinaitae A. 1981. *Viae dux. Cuius edionem curavit Karl-Heinz Uthemann*. Turnhout, Leuven, CCL, 464 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.09.2021

Поступила после рецензирования 10.12.2021

Принята к публикации 20.06.2022

Received September 10, 2021

Revised December 10, 2021

Accepted June 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрелкова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Strelkova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia